

Греком слова «чаю» из символа веры словом «жду», он при этом явно пытался оправдать своего бывшего учителя.

Оценивая значение порицаний, высказанных Зиновием «владущим» и земским правителям, весьма важно поставить вопрос об интересах, которыми при этом руководствовался Зиновий. Прежде всего это была критика с оглядкой.

Зиновий обращает к Шишкину слова из пророка Исайи: «еще воздежете ко мне руки ваша отвращу лице мое от вас, еще умножите молитвы моя ко мне и аз не услышу вас, взыщите суда, избавляйте обидимаго, заступайте вдовица и тогда истяжемся, глаголет господь» (л. 198 об.). Но здесь имеет место операция над текстом Исайи. На самом деле цитируемый Зиновием текст содержит следующее: «Егда прострете руки ваша ко мне, отвращу очи мои от вас, и еще умножите моление, не услышу вас: руки бо ваша исполнены крове. Измойтесь и чисти будите, а отимите лукавства от душ ваших пред очима моима, престаните от лукавств ваших, научитесь добротворити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдате вдовицу. И приидите и истяжимся, глаголет господь» (Исайя, I, 15—17). Обозначенные здесь разрядкой слова опущены Зиновием. Он не посмел, а скорее всего не захотел обвинить в кровавых преступлениях высокого адресата, хотя соответствующий текст Исайи и не требовал буквального толкования.

Зиновий не считал Шишкина «праведным судьей» по двум основаниям: за судебную волокиту и за отказ от приведения тяжущихся сторон к крестному целованию: «И мы грешнии знаючи твое желание к заповедем господним дерзнули есме к твоей честности воспоманути тебе божия заповеди и оправдания господня о дву делех твоих, что судити господь приказал и управа в скоро давати по речем или по обыску и по мнозе испытанием и крепком взысканием достоит и крестное целование дати меж прямиимися» (лл. 197 об.—198).

Ниже Зиновий повторяет свои обвинения, на этот раз несколько странней: «А что, государь, помышляешь греху быти в том, что после суда борзо судное дело обговаривати да оправить или обинить или целование крестное дать, и в том, государь, судием греха несть, что скоро управити, занеже сам господь бог в законе Моисею приказал клятвою вере в суде быти, еще послухов верных несть» (л. 199).

Зиновий развертывает систему доказательств, направленную к утверждению того, что только скорый, основанный на крестном целовании суд соответствует божьей воле. «Ино, государь, — пишет Зиновий, — пригоже судии знати, что грех!» (л. 201 об.).

Крестное целование, по Зиновию, есть исконная русская традиция; оно служит устоем для мирских взаимоотношений, оно скрепляет внешние отношения между государствами. Крестное целование является установлением императоров Константина и Юстиниана, а на Руси оно было принято еще Владимиром. Более того, крестное целование является установлением самого бога, как об этом сказано в законе Моисеевом (лл. 201 об.—202). Отсюда: «Ино, государь, пригоже домыслити, то грех ли ставитца крестное целование? Греха, государь, святые не уставливают и бог не законополагает греха человеку... или, государь, самого господа бога виновата творя, что узаконил клятву?» (л. 202).

Зиновий не отвергает и судопроизводства, ведомого «по речем» или «по обыску», т. е. по свидетельским показаниям или по следственным материалам, но отстаивает самодостаточность крестного целования как богоустановленного, освященного традицией и имеющего то практическое пре-